

Светлана Алешина

Непредвиденная ситуация

*Часть сборника
Секс, ложь и фото (сборник)*

Светлана Алешина
Непредвиденная ситуация
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6181680

Алешина С. В. Секс, ложь и фото. Непредвиденная ситуация: Повести.:

Эксмо-Пресс; Москва; 2000

ISBN 5-04-005303-7

Аннотация

«...Негромко хлопнула входная дверь. Удивленный Инкин возглас, потом три сухих щелчка. Я расслышала их, несмотря на игравшую музыку. Едва успев натянуть то, что следовало, я вылетела из туалета. Дверь в квартиру была распахнута. Чужое неладное, я вбежала в гостиную. Инка лежала на полу, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Только у рыбы кровь не такая красная или вообще не красная, не знаю. У Инки же на груди, там, где ее гладкое тело было прикрыто халатиком, образовалось и продолжало набухать сочно-алое влажное пятно.

Я метнулась к телефону.

– Срочно, – крикнула я в трубку, назвав Инкину фамилию, – огнестрельное ранение...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Алешина

Непредвиденная ситуация

Глава 1

Какого черта я ела эти дурацкие пирожки, которые притащила Маринка? Они мне сразу не понравились, и не нужно было вообще к ним прикасаться. Нет, все-таки попробовала. Вот и мучайся теперь! Как назло, дома нет нужных лекарств от этого дела.

Живот крутит целый час. «Кишка кишке бьет по башке», – вспомнила я присказку. Что это, отравление? Но ведь рвоты-то нет... Я с ужасом потрогала ладонью лоб. Холодный. Меня бросило в озноб. Пот не струится, дыхание учащенное, но не настолько, чтобы навести на мысль о критической минуте... Когда колики стихли, я взяла с полки журнал и стала лениво его перелистывать, стараясь отвлечься от внутриутробной катастрофы.

Стоп. А почему именно пирожки? Главное забота! После пирожков отмечали Лелькин день рождения. Может, это результат съеденных салатов? Дорвалась, называется! Правильно, майонез, еще этот, как его, ананас с перцем – надо у Лельки рецепт спросить. Да, девушка, перебор!

Я взяла себя в руки и решила все же обратиться к жи-

вущей этажом ниже, прямо подо мной, медичке, с которой не то чтобы шибко дружила, но по-соседски ладила и даже несколько раз заходила в гости.

Инка Демьянова, моя соседка, была особой яркой и фривольной. Она давно послала к черту все предписания наших дворовых клушек о том, как вести себя молодой незамужней маме семилетней девчушки. Большую часть своего детства ребенок Инки проводил у бабушки в тарасовском пригороде.

Освобожденная от прямых материнских обязанностей, Инка много времени посвящала устройству своей личной жизни.

Инка, к чести ее нужно заметить, была далеко не всеядной. Существовал перечень социально-материальных и туманно-духовных благ и качеств, которыми должен был обладать мужчина ее мечты. В него входило наличие благоустроенной квартиры, автотранспорта, причем не самого худшего, желательно иномарки; щедрой на материальные подношения души, способной к пониманию и согласию с ее, Инкиными, жизненными принципами, и полная лихой разухабистости откровенность этой самой души, парами алкоголя катапультируемой прямо в рай заманчивых обещаний и клятв любить до гроба.

Сей список, конечно, не полон. В каждом отдельном случае появлялись новые требования, пожелания, просьбы и предложения. Все зависело от конкретного человека. И в этом Инка была новатором, пытающимся увязать обычный

«джентльменский набор» с личной психологией и физиологией очередной жертвы ее типично американских характеристик: высокая сбитая блондинка с длинными, чуть более полными, чем нужно, ногами, умеренно грудастая, с томным коровьим взглядом и ниспадающими до плеч небрежно завитыми локонами.

Инка свободно, с обстоятельностью и опытом прагматично-истеричной тетки рассуждала о любви, сексе, мужских пристрастиях и разного рода «штучках» извращенцев, с которыми ей приходилось сталкиваться на своем жизненном и сексуальном пути. Особенно «умиляла» мотивация ее бесчисленных проб и ошибок – необходимость найти отца для своей синеглазой малютки.

Дежурившие под ее окнами иномарки меня давно перестали удивлять, как, впрочем, и их требовательно-нетерпеливые или веселые сигналы посреди ночи.

Инка работала медсестрой в городской больнице, и одному богу известно, как бы она сводила концы с концами, если бы не помощь мамы, держащей в пригороде хозяйство, и не щедрость состоятельных секс-партнеров.

В моей безрассудной соседке меня подкупало отсутствие культурных предрассудков и компанейская жилка.

Я спустилась к Инкиной двери и надавила на кнопку звонка. Была глубокая ночь, но я знала, что Инка не спит. Из-за двери неслась музыка – грубо ритмизованная попса. Дверь отворилась, и на пороге возникла Инка. На ней был корот-

кий шелковый халатик, нагло разъезжающийся на груди. В руке она держала фужер с шампанским.

– О! – издала она радостный возглас, – проходи, Оль.

По маслянистому блеску ее глаз я поняла, что она подшофе. Ничто не выдает так подпившего субъекта, как блаженно-идиотская улыбочка, непроизвольно появляющаяся на губах.

– Ин, у меня просьба, – скромно сказала я, – у тебя нет фталазола или левомецетина, или активи...

– Че, приперло? – с фамильярным сочувствием поинтересовалась Инка. – Ты пройди, пройди, я посмотрю. Да проходи ты!

Инка чуть не силой втянула меня в квартиру. Я же говорю, она без комплексов! На вешалке я заметила шикарную мужскую дубленку. В квартире пахло алкоголем, дорогим куревом и хорошим одеколоном. Комментарии излишни.

– У нас тут веселье небольшое, присоединиться не хочешь? – спросила она меня на кухне, роясь в аптечке, представлявшей из себя большой пластиковый пакет. – У меня такой мужик!

Она прекратила свое благородное занятие и лукаво посмотрела на меня.

– Да просто так посидим, не тушуйся!

Была одна черта в Инке, которая меня раздражала. Догадываетесь, какая? Ее детский эгоизм. Да, да, она бывала отзывчивой и милосердной. Как, например, минутой раньше,

когда, запустив свою наманикюренную руку в мешок с препаратами, пыталась оказать мне содействие в борьбе с дурацким расстройством. Именно бывала, а не была. Значительно чаще Инка делала вид, что ваших бед не существует, а есть только неоправданное упрямство в нежелании порадовать ее своим обществом.

– Не могу, Ин, – крайне убедительно поморщилась я, прижав руку к животу.

– Че, действительно так паршиво? – в ее темных коровьих глазах мелькнуло сострадание.

Я только кивнула. Шедевральная «Нелюбовь», с надрывом рвущаяся из магнитофона, уступила место назойливому «Пуху» «Иванушек Международных».

– Ты сядь, сядь, – Инка опять принялась рыться в мешке.

Я повиновалась. К своему ужасу, я чувствовала приближение нового приступа кишечного бешенства. Мне хотелось выхватить у Инки мешок и взяться за самостоятельный поиск таблеток. Ее пьяное копошение начало меня утомлять. И тут к нам в кухню вышел ее солидный гость, тоже, наверное, потерявший всякое терпение.

Несмотря на недомогание, я с невежливым любопытством уставилась на него.

– Знакомьтесь, – просияла Инка, бросив поиски, – моя соседка Оля, а это Аркадий Сергеевич. Он у нас видный бизнесмен и славный человек.

Инка растянула рот в слащавой улыбке, шаткой походкой

приблизилась к «славному человеку» и, ни капельки не смущаясь, обвила его шею своей расслабленно-доброй рукой. «Видный бизнесмен» быстро взглянул на меня, проверяя реакцию, потом деликатно высвободился из Инкиных объятий и вымученно улыбнулся.

– А приехали мы на прекрасной «бээмвухе» последней модели, настоящей амфибии, – дурашливо загоготала Инка и хлебнула из фужера. – Ну разве не круто?

Она опять, на этот раз еще более уверенно, обняла Аркадия Сергеевича, который решительно, если не сказать резко, откинул ее мягкую руку и с упреком взглянул в глаза.

– Инна! – укоризненно произнес он, на что Инка снова рассмеялась.

– Вот Оля не хочет принять участие в нашем празднике, – капризно прогнусавила Инка, кидая на нас с Аркадием Сергеевичем раззадоривающие взгляды.

Физиономия «славного человека» совсем неэстетично вытянулась. Я поняла причину его опасений. То, что он позволял своей развязной пассии наедине, он не мог позволить в присутствии третьего человека. Тем более незнакомого.

Наконец я приняла волевое решение: встала и взяла мешок.

– Ага, – одобрила мои действия Инка, – давай, Оль, сама...

– Тебя можно на минутку? – сдерживая раздражение, обратился к ней Аркадий Сергеевич, кивая в сторону гостиной.

– А че ж? – вызывающе взглянула на него Инка и дала себя увести под локоток.

Когда эта забавная парочка удалилась, я высыпала на стол содержимое пакета и наконец нашла нужное. Таблетка фта-лазола, таблетка активированного угля. Все это я запила большим количеством воды и... понеслась в туалет. Плевать мне на условности! Господи, когда же все это кончится наконец?!

Туалет у Инки был комфортабельный, отделанный с соблюдением всех гигиенических норм, а в случае обнаружения в унитазе микробов можно было воспользоваться стоящим на полочке «Кометом». Чтобы не заикливаться на нервирующей проблеме и дать организму свободу действий, я постаралась направить мысли в отвлеченное от ситуации русло. Принялась думать об Инне и ее новом бой-френде, воскрешая в памяти его внешний облик.

Средних лет, коренастый, с открытым лицом и седыми висками. Его можно было бы назвать приятным, если бы не натянутый и высокомерный вид. Густые волосы, умные серые глаза, мужественный подбородок. Взгляд строгий, оценивающий. Пальцы хоть и узловатые, но холеные. Дорогие часы, элегантный костюм. Вот если бы он был постройнее... Представительный дядечка. Интересно, где Инка его подцепила? Позже она, конечно, расскажет. Поговорить о своих мужиках ей как меду напиток. Но она-то этому Аркадию Сергеевичу не очень подходит... Со вкусом дядечка...

Негромко хлопнула входная дверь. Удивленный Инкин возглас, потом три сухих щелчка. Я расслышала их, несмотря на игравшую музыку. Едва успев натянуть то, что следовало, я вылетела из туалета. Дверь в квартиру была распахнута. Чужа неладное, я вбежала в гостиную. Инка лежала на полу, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Только у рыбы кровь не такая красная или вообще не красная, не знаю. У Инки же на груди, там, где ее гладкое тело было прикрыто халатиком, образовалось и продолжало набухать сочно-алое влажное пятно.

Я метнулась к телефону.

– Срочно, – крикнула я в трубку, назвав Инкину фамилию, – огнестрельное ранение.

– Адрес? – невозмутимо спросила диспетчер.

Я назвала номер своего дома.

– Квартира?

Вот черт, какая же у нее квартира? Никогда не задумывалась об этом.

– Сейчас, – я произвела в уме нехитрые вычисления и назвала цифру.

– Пожалуйста, оставайтесь с пострадавшей, – равнодушно сказала диспетчер, как будто я просила вынуть занозу из пальца, – бригада сейчас будет.

Швырнув трубку на рычаг, я наклонилась к Инке. Надо что-то делать! Она была еще жива – слабые хрипы вырывались из ее груди. Я сбегала на кухню и вернулась оттуда с

полотенцем в руках. Осторожно распахнув халатик, приложила сложенное полотенце к ране. Инка, вздрогнув, открыла глаза и непонимающе уставилась на меня.

– Кто это был? – приблизила я к ней лицо.

– Эта сучка, – еле слышно прошептала она и снова отключилась.

Выстрелов было три, а рана у Инки одна. Почему? Две другие пули могли войти одна в одну или пролететь мимо. Не обнаружив на теле соседки никаких других повреждений, я запахнула халат и ниже склонилась над ней.

– Инна, Инна, – тронула я ее за плечо.

В ответ я услышала протяжный стон, потом несвязное бормотание. Только бы она не умерла!

О, черт! Я увидела Аркадия Сергеевича. Теперь понятно, куда делись другие пули. Во всяком случае одна. Аркадий Сергеевич замер в кресле. У него во лбу было маленькое отверстие, как раз между бровями. Обычно в этом месте индусы рисуют так называемый третий глаз. Два глаза Аркадия Сергеевича, данные ему от природы, были открыты и смотрели в невидимую точку на противоположной стене. Конечно, я не доктор и даже не медсестра, но и без специального образования ясно, что Аркадий Сергеевич отправился в путешествие, из которого не возвращаются.

Поднявшись, я сделала несколько шагов по направлению к креслу. А вот и следы от третьей пули. Светло-серая сорочка Аркадия Сергеевича, обтягивавшая его небольшой вы-

пирающий животик, была мокрой от крови. Значит, в него стреляли два раза: в живот и в голову. Почерк профессиональный: в голову контрольный выстрел делают киллеры.

Видимо, Инкин бой-френд кому-то сильно не угодил. Но Инка сказала: «Эта сучка». Что-то не похоже на киллера. А разве женщина не может быть киллером?

В это время в прихожей раздался топот тяжелых сапог, и в гостиную ворвался человек, хорошенько рассмотреть которого я не успела. На нем была черная шапочка с отверстиями для глаз и для носа, а в руках автомат, стволом которого он поводил из стороны в сторону.

– Лежать! – истошно заорал он, заметив меня. – Лицом вниз! Руки за голову!

В таких ситуациях лучше подчиниться требованиям, какими бы глупыми они ни казались. Поэтому я плюхнулась на пол рядом с неподвижной Инкой. Этот герой в маске, похоже, был не один. По звукам шагов я поняла, что еще несколько человек бросились осматривать все помещения в квартире.

Черт! Я же воду в туалете не спустила! Только я подумала о туалете, как сразу же решил напомнить о себе кишечник. Правда, его ворчание было не таким агрессивным, как раньше, – наверное, лекарства уже начали действовать.

– Вставай, – услышала я над собой молодой голос и подняла голову.

На стуле, стоявшем посреди гостиной, сидел парень с по-

гонами старшего лейтенанта милиции.

Кажется, я вызывала «Скорую», – мелькнуло в голове, – или по ошибке набрала «ноль два» вместо «ноль три»?

– Ей нужен врач, – сказала я, поднимаясь, и показала на Инку.

– «Скорая» уже едет, – кивнул старлей. – Это вы ее вызвали?

– Я.

– Нам сообщили с подстанции о вашем звонке, – пояснил лейтенант, – мы находимся ближе, поэтому и приехали раньше.

Словно подтверждая его слова, в гостиную вошел грузный мужчина лет сорока с саквояжем в руках. Поверх его пальто был натянут белый халат. За ним семенила молоденькая медсестра. Быстро оценив ситуацию, доктор наклонился над Инкой и взял ее за запястье:

– Нужно положить девушку на диван.

Лейтенант кивнул своим подчиненным, стоявшим у входа в комнату, и они, поставив автоматы, помогли доктору.

– Пойдемте на кухню, – посмотрел на меня лейтенант, поднимаясь со стула.

– Нет, – сказала я, не глядя на него, – сначала мне нужно в туалет.

– Ладно, – кивнул он, смутившись не меньше моего, – только недолго.

Спустя десять минут я сидела на кухне за столом напротив

лейтенанта. Сдвинув в сторону посуду, он достал из планшетки ручку и несколько бланков.

– Старший лейтенант Левченко Алексей Владимирович, – представился он.

На вид ему можно было дать года двадцать два – двадцать четыре, а если бы не темная щеточка усов, то и того меньше. Голос лейтенанта вполне соответствовал его внешнему виду. Я с интересом наблюдала за его действиями. Он закончил делать записи и поднял на меня большие голубые глаза.

– А вы кто будете?

– Соседка Инны, – я показала пальцем на потолок, – Бойкова Ольга Юрьевна.

– Место работы? – продолжал лейтенант.

– Еженедельник «Свидетель».

Старший лейтенант с интересом посмотрел на меня.

– Должность? – спросил он, запротоколировав предыдущий ответ.

– Главный редактор.

Алексей Владимирович недоверчиво взглянул на меня, но и этот ответ занес в протокол.

– Как вы оказались в ее квартире?

– Понимаете... – замялась я, – у меня сегодня живот взбунтовался. Наверное, съела чего-нибудь, а Инна в больнице работает. Вот я и спустилась к ней за лекарствами.

– Когда это было?

– Често говоря, мне было не до часов, – вздохнула я. –

Но до того, как позвонить в «Скорую», я пробыла здесь не больше пятнадцати минут.

– Так, – лейтенант сверился со своими записями, – значит, около половины двенадцатого. – И что же случилось после того, как вы вошли в квартиру?

Живот мой крутить перестало, поэтому я спокойно и подробно поведала лейтенанту обо всем по порядку. Понимаю – работа у него такая. Мне и самой время от времени случается общаться с людьми на предмет выяснения всяких разных подробностей. Пока мы разговаривали, я видела через открытую дверь кухни, как выносили носилки и мелькали какие-то люди с озабоченными лицами.

На кухню вошел мужчина в штатском, молча положил перед лейтенантом коричневое кожаное портмоне и вышел.

– Вы были знакомы с гражданином Белкиным? – спросил лейтенант, рассмотрев паспорт, который он выудил из портмоне.

– Если это Аркадий Сергеевич, то была, – кивнула я, – минуты две. Я ведь вам уже говорила.

– Да, – задумчиво произнес лейтенант, – странная история. Убийца, судя по почерку – профессионал, убивает Белкина – генерального директора ЗАО «Металлоконструкция» – и тяжело ранит его подружку – медработника Второй городской больницы, а соседку, случайно зашедшую в гости, не трогает...

– Чего это вы такое говорите? – с тревогой в голосе спро-

сила я. – Может, мне извиниться перед вами, что я осталась в живых и даже смертельно не ранена, а?

– Извиняться не нужно, – насупился лейтенант, – лучше расскажите правду.

Первое положительное мнение о старшем лейтенанте испарилось, словно легкий туман под лучами солнца. Вот он, оказывается, куда клонит! Только не на ту напали, товарищ.

– Значит, вы мне не верите? – выдохнула я, нервно хлопая себя по карманам в поисках сигарет.

Найдя их, я щелкнула зажигалкой и глубоко затянулась.

– А вы бы на моем месте поверили? – равнодушно спросил старший лейтенант, глядя мне в глаза.

– Естественно, – не моргнув глазом ответила я, хотя его вопрос застал меня врасплох.

Не такой ты простой, лейтенант, как кажешься.

– Не пугайтесь, – сдержанно улыбнулся лейтенант, – я не собираюсь вас задерживать. Мы не обнаружили орудия убийства. Боюсь только, что мне придется вас еще раз побеспокоить. В этом деле каждая мелочь может оказаться важной.

– Вы знаете, как меня найти, – твердо сказала я, поднимаясь. – Можно идти?

– Не смею задерживать, – дежурно улыбнулся он, – и не болейте больше.

Он еще издевается! – меня чуть не передернуло от его замечания.

– Больше не буду, – как можно естественней улыбнулась я, – а вы, вместо того чтобы беспокоиться о моем здоровье, постарайтесь лучше найти убийцу.

Я развернулась и с гордо поднятой головой вышла из Инкиной квартиры.

Сопляк, мысленно ругнулась я в адрес лейтенанта, ему еще в кораблики играть, а он убийства расследует. Поднявшись к себе, я поняла, что желудок, несмотря на перенесенный стресс и поздний час, требует горячего. Конечно, есть я ничего не стала, но кофе сварила и добавила туда капельку коньяка. Вот тебе и сходила за лекарством, перефразировала я известный анекдот про поход в булочную, хорошо еще, что голова цела.

Я села на диван перед телевизором, поставила рядом пепельницу и закурила. Щелкнула пультом. Я смотрела на экран, но мысли были далеко от мелькающих красочных картинок. Все, что происходило на экране, казалось мне малозначительным и откровенно пошлым. Излучающее сытое довольство и самоупоение лицо ведущего программы казалось мне на редкость уродливым и несносным. Предметом обсуждения являлся секс. Старые целлюлитные тетки и закомплексованные барышни со всеми признаками грядущего стародевичества на угреватых лицах говорили на редкость пресные ханжеские фразы. Я выключила ящик и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

Вот уж повезло так повезло! Бедная Инка. Как она? У ме-

ня не было сомнений, что соседка стала жертвой страшного недоразумения. Убийца, конечно, выслеживал ее гостя, а она попала под горячую руку. Нет, а этот гусь-лейтенант! – гневно передернула я плечами, ощущая новую волну раздражения.

Стараясь не думать о лейтенанте, я пошла в ванную. Приняв душ, растерлась огромным полотенцем и поспешила в спальню. Но, несмотря на все мои героические усилия и решимость заснуть, я еще на протяжении часа витала мыслями в околоземном пространстве, периодически возвращаясь к сегодняшнему инциденту.

Глава 2

Будильник поднял меня в половине девятого. Поздно, конечно, для главного редактора прославленного еженедельника «Свидетель», но что поделаешь – я люблю поспать и использую каждую благодатную минуту для того, чтобы дать отдохнуть своему загроможденному миллионом задач интеллекту. Главное – это подняться с кровати свежей и отдохнувшей. Я просто обязана быть в форме, оправдывалась я перед собой за столь наглое пренебрежение временем. В конце концов, могу же я установить свой собственный режим, демократия у нас или не демократия?!

После водных процедур, которые наряду с царством Морфея были для меня каждодневной приятной необходимостью, я ощутила желание сделать еще что-нибудь полезное для своего брэнного тела. Как насчет завтрака?

Ладно, перейдем к гастрономическим радостям. Я бухнула на сковородку два яйца, предварительно обжарив на ней ломтики бекона и лук. Сварила кофе. Довольно посредственный, если вспомнить, какой замечательный напиток готовит Маринка, моя секретарша и подруга в одном лице. Прямо кудесница. Секреты мастерства, так, кажется, называется умение из обычного, доступного любому встречному и поперечному материала сотворить чудо.

Когда я спрашиваю себя, что заставляет терпеть рядом с

собой склонную к опасным приключениям и страдающую отсутствием деликатности секретаршу, ответ приходит не сразу. Может, умение делать кофе? Ну, конечно, нет. Мне симпатичен ее живой нрав, ее деловитость и исполнительность. Но этот ее недостаток – влипать во всякие истории и, что еще прискорбней, постоянно втягивать в них меня – чудовищен. А вот вчера я вляпалась сама.

С самого утра я настраивала себя на бодрый жизнерадостный лад и вдруг – прокол. Мысль о вчерашнем злополучном посещении Инки, которую я глушила водными процедурами и прочей драгоценной ерундой, внезапно напомнила о себе. Сознание непоправимости случившегося, весь спектр отрицательных эмоций, поднятых вчера со дна моей души недоверчиво-корректным лейтенантом, отравляли мое существование.

Нет, полуодетая, я присела на диван, с этим надо что-то делать. Я представила себе будущие визиты ментов, тоскливую канитель и оскорбительно-ядовитые намеки, старательно скрываемые под маской сухого делового спокойствия, почти равнодушия, всю эту заскорузлую, убийственно скучную механику вопросов-ответов, настороженную приглядку, невинные провокации и... мне стало тошно.

Я сама должна что-то предпринять. Не могу я вот так сидеть и ждать... Да нет, конечно, не сидеть. Но и работать в редакции, болтать с Маринкой, обсуждать что-то с Кряжимским – да я просто не смогу быть самой собой, получать от

всего этого удовольствие, если проявлю пассивность!

Я оделась, проверила в сумке ключи и, выйдя на лестничную клетку, захлопнула дверь. Слава богу, что у нас в доме лифт – не надо проходить мимо Инкиной двери. Что, трусишь? – ехидно подначила я саму себя. Нет, не трушу, но все-таки...

Моя неоднократно испытанная на верность и на прочность «Лада» стояла во дворе. Недалеко от нее, лаская взор своими гладкими обтекаемыми формами, за которыми угадывалась мощь и сила, отдыхал синий «БМВ». Даже не отдыхал, а покоился – таким сиротливым, несмотря на весь свой лоск и ликующую новизну, показался мне этот шикарный автомобиль. Я села за руль своего простенького, но вполне приличного по нынешним временам авто и включила зажигание.

Через десять минут я уже входила в редакцию, ловя на себе по-утреннему пристрастный взгляд своей секретарши.

– Привет, – я на минуту задержалась у ее стола.

– Привет. Кофе будешь?

Вежливо-дежурный вопрос.

– Буду, – я сделала над собой гигантское усилие и улыбнулась.

– Что-нибудь стряслось? – спросила эта мудрая прорицательница и провидица.

– Расскажу – не поверишь, – лаконично заинтриговала я Маринку, почему-то раньше времени открывшую рот, –

убийство в квартире прямо подо мной, – невесело усмехнулась я.

– Да ну-у! – шире открыла рот моя подруга. – Но зато теперь, – быстро подтянула она свою отпавшую челюсть и сделала обиженное выражение лица, – ты не будешь твердить, что исключительно благодаря мне влипаешь во всякие неприятности.

Она гордо повела плечами и направилась к десертному столику.

– Мне покрепче, – бросила я, открывая дверь в свой кабинет.

Пока я раздевалась, усаживалась за свой стол, закуривала, Маринка приготовила кофе. Она вошла в кабинет с подносом, на котором стояли две кофейные чашки, от которых поднимался тонкий ароматный дымок, и вазочка с печеньем. Я почему-то вспомнила вчерашние пирожки.

– Между прочим, как у тебя с желудком? – ехидно посмотрела я на Маринку.

– Нормально, – она непонимающе уставилась на меня, пристроив поднос на краешек стола.

– Мне почему-то кажется, что все началось с пирожков, – я немного сбавила тон.

– Какие пирожки-то, Оль? – она опустилась на кресло перед столом.

– Значит, у тебя с желудком все нормально? – подозрительно переспросила я.

– Я ничего не понимаю, – Маринка взяла чашку с блюдцем с подноса и сделала маленький глоток. – Кажется, ты хотела рассказать об убийстве. Разыграла, да?

Маринка улыбнулась, отставила чашку и потянулась за сигаретой.

– Мне не до розыгрышей, – я пододвинула к ней пачку «Винстона» и взяла свою чашку, – просто все началось с того, что желудок у меня взбунтовался. Ну я и погрешила на пирожки, которые ты притащила вчера.

– Да ты что, Бойкова? – возмущению Маринки не было предела. – Я никогда бы не взяла у незнакомой торговки! А эта баба Тома жила в нашей коммуналке, я видела, как она все готовит. Вся такая чистенькая-аккуратненькая, прямо светится.

– Ладно, – махнула я рукой, – наверное, салатов объелась.

– Ну точно, – подхватила Маринка, – ты же вчера на пьянке была. Как погуляли?

Я пожала плечами.

– Ты знаешь, я пошла только потому, что не могла отказаться, – пробормотала я. – Меня все эти гулянки утомляют. Народ принимает на грудь, начинает беспричинно смеяться, а я сижу и наблюдаю за всеми этими метаморфозами. Не слишком весело. В общем, началось все с расстройства.

Я изложила Маринке перипетии вчерашнего похода к Инке, успев выкурить за это время не одну сигарету.

– Это его жена, – безапелляционно заявила Маринка: я

дошла до эпизода, когда Инка на несколько секунд пришла в себя, – тут и думать нечего.

– Но ведь на жену подумают в первую очередь, так что это не слишком-то умно, – резонно, как мне показалось, заметила я.

– А кто говорит, что жена Белкина умная? – возразила Маринка. – Ты ее знаешь?

– Нет, – покачала я головой, – а не мешало бы познакомиться.

– Хочешь сама найти убийцу? – Маринка бросила на меня пренебрежительный взгляд. – Дело бесперспективное – обыкновенная бытовуха. Кому это интересно?

– Знаешь что, девушка, – набросилась я на Маринку, – не в каждой бытовухе применяют пистолет с глушителем.

– Значит, наемный убийца, – со знанием дела объяснила Маринка, – киллер, по-нашему. Только непонятно, почему он твоей соседке репу не продырявил?

– Есть и другие вопросы.

– Ну и какие же?

– Как убийца попал в квартиру? Звонка я не слышала.

– Ну-у, – задумалась Маринка, а потом лицо ее прояснилось, – ты же пришла. Вот Инна и забыла дверь запереть.

– У нее английский замок, – покачала я головой, отвергая версию, – запирается сам, если дверь закрыта.

– Может, не закрыла до конца, – не сдавалась Маринка. – Знаешь, так бывает, дверь вроде закрыта, а язычок в паз не

попал...

– Все может быть, – выпятила я губы, – только это случайность, а я в случайности не верю.

– Случайность – это непознанная закономерность, – выдала Маринка и гордо посмотрела на меня.

– Но все-таки закономерность, – улыбнулась я, – мое же посещение Инки никто предвидеть не мог, даже если и предполагал, что дверь останется незакрытой. И потом, убийца даже не знал, что я нахожусь в квартире. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

– Да-а, – протянула Маринка, – есть над чем подумать. Погоди-ка, – вдруг встрепенулась она, – твоя соседка сказала: «Эта сучка». Значит, стреляла все-таки женщина. Наверняка жена Белкина, хоть ты и отказываешься в это верить.

– То, что это женщина, еще можно предположить, – скептически улыбнулась я, – если Инка не бредила, но с чего ты взяла, что это была жена Белкина?

– Ну как же, – начала горячиться Маринка, – что, по-твоему, значит «эта»?

– И что же?

– То, что Инна была знакома с ней, вот что, – торжествующе уставилась она на меня. – Если бы твоя подружка не знала ее, она сказала бы как-нибудь по-другому.

– Как, например?

– Не знаю, – Маринка в запале развела руками, – но уж точно не так.

– Ладно, не горячись, – постаралась я успокоить подружку, – может быть, ты и права. Только нам нужно знать все наверняка. А для этого следует выяснить, что вообще представлял из себя этот Белкин. Зайди к Кряжимскому, пусть попробует узнать об Аркадии Сергеевиче по своим каналам.

– Так ты действительно берешься за это дело? – решила уточнить Маринка, по моему мнению, совершенно излишне.

– Берусь. Стала бы я впрягать Кряжимского, – многозначительно посмотрела я на нее, показывая, что не очень довольна сбоем в работе ее понятийного аппарата, – и все-таки... – я на минуту задумалась, – не будь этих чертовых пирожков, я бы не спустилась к Инке... А пирожки-то ты мне подсунула.

Маринка вспыхнула и, надув по привычке губы, поспешила покинуть кабинет.

* * *

Через полчаса благодаря стараниям Кряжимского я располагала домашним адресом и номерами телефонов господина Белкина. Он, к моему глубокому удивлению, жил не за городом, а в центре. Так что колесить мне долго не пришлось. Я остановила машину во дворе, образованном несколькими четырех– и пятиэтажными сталинскими постройками, в чьей добротности имела случай убедиться.

Судя по номеру дома, семейство Белкиных проживало

в пятиэтажном здании, покрытом розовато-коричневатой штукатуркой. Я решительным шагом направилась к подъезду, у которого стояли две красивые иномарки темно-зеленого и серого цвета. «Ауди» и «Форд».

Первая трудность меня подстерегала уже на невысоком каменном крыльце. Дверь оказалась с кодовым замком, а кода, как вы понимаете, я не знала. Оставалось ждать, когда кто-нибудь живущий в этом подъезде захочет прогуляться или, несмотря на ветер и высоченные сугробы, отважится выйти за молоком или за хлебом.

Я вернулась к «Ладе», села за руль и закурила. Минут через десять подъездная дверь с пронзительным металлическим лязгом отворилась, и на крыльцо вышла грузная женщина пенсионного возраста в каракулевой шубе и норковой боярке.

Я ринулась ей навстречу. Она еще не успела закрыть дверь, как я огорошила ее просьбой немного подождать. Она взглянула на меня с такой агрессивной настороженностью, словно я была террористкой и жаждала смести ее жилище с лица земли при помощи килограмма тротила.

Но мне удалось-таки проскользнуть в подъезд, оказавшийся на редкость ухоженным. Нет, цветы на подоконниках отсутствовали, но было на удивление чисто и опрятно. Двери жильцов тоже не могли внушить ничего, кроме уважительного почтения и полного благонамеренных дум смирения. Высокие, отделанные дубовой рейкой или кожей. Я подня-

лась на третий этаж.

Готовая к любому повороту событий и сюрпризу, я позволила в квартиру Белкиных. Дверь, отделанная буковой рейкой, почти мгновенно распахнулась. Причем я была избавлена от весьма унижительного допроса, которому хозяин дома обычно подвергает визитера.

На пороге стоял и с удивлением смотрел на меня высокий худощавый шатен в темно-синем костюме. Узкие лацканы однобортного пиджака и великолепный крой придавали костюму стильное изящество, говорившее, что его владелец знает толк в моде и заграничных изысках.

У молодого человека оказались упрямое выражение лица, крутой лоб, темные глаза под низкими бровями, породистый, с горбинкой, нос, хорошо очерченные губы и небольшая ямочка на подбородке. Его густые жесткие волосы были зачесаны назад.

– Добрый день, – улыбнулась я, – мне нужно поговорить с Белкиной Людмилой Николаевной.

Молодой человек с недоумением приподнял брови и удивленно улыбнулся в ответ.

– А вы кто? – полюбопытствовал он.

– Вот мое удостоверение, – я достала из сумки свои корочки и протянула парню.

Он лениво развернул удостоверение, опустил глаза и вернул мне.

– Боюсь, сейчас не время... – меланхолично произнес он

и пожал плечами.

– Саша, кто там? – раздался из-за спины денди требовательный женский голос.

– Людмила Николаевна, тут с вами поговорить хотят, – осмелился крикнуть он в ответ.

– Кто-о? – продолжал вопрошать недовольный голос.

– Сотрудница еженедельника «Свидетель», Бойкова Ольга, – парень вопросительно взглянул на меня, – правильно?

Я кивнула, сопроводив свой жест благодарной улыбкой. Молодой человек ответил мне понимающим взглядом.

– А вы... – замялась я.

– Александр Георгиевич Марусев, – с благожелательным выражением лица доложил он, – протягивая руку.

– Ольга Юрьевна... Фамилию мою вы знаете...

– Как быстро все становится известным... – рассеянно произнес Александр.

– Ну что ты здесь... Я ничего не слышу, – стройная женщина в черной блузке и серой деловой юбке протиснулась между Сашей и косяком. – Вы ко мне?

Она буравила меня недоброжелательным взглядом близко посаженных карих глаз. Густо накрашенные ресницы сообщали этому взгляду тревожащую пристальность, и я поежилась. Светло-русые волосы Белкиной – я не сомневалась, что это была она, – слегка подвитыми блестящими прядями падали на плечи. Тонкие черты лица изумительно правильные. Несколько морщинок возле глаз и небольшая складка между

густыми бровями ее совсем не портили.

«Красивая женщина», – оценила я.

– Это главный редактор газеты «Свидетель» Бойкова Ольга, – взял на себя труд представить меня Александр.

Он совсем не смотрел на Белкину, да и на меня тоже. Взгляд его растекся по противоположной стене озерцом тоскливого уныния. Видимо, ему надоело торчать в дверях и он потерял интерес к происходящему.

– Я никого не принимаю, – высокомерно объявила Белкина, глядя на меня в упор своими недоброй красоты глазами, – до свидания.

Она резко повернулась на каблуках, но здесь уже я приняла усилия, чтобы ослабить ее сопротивление.

– Я была там, когда все это случилось.

– Что-о? – с яростным возмущением уставилась на меня Белкина. – Были? Где? Мне некогда!

Александр оживился. Теперь он не сводил с меня своих больших темных глаз.

– Когда убили Аркадия Сергеевича, – доходчиво пояснила я. – Убийца чудом меня не заметил.

– И что же? – не хотела понимать меня вдова Аркадия Сергеевича.

– Хочу найти убийцу, – со всей присущей мне прямолинейностью выпалила я, чувствуя, что щеки мои покрываются румянцем.

– А я-то здесь при чем? – язвительно усмехнулась Белки-

на, пренебрежительно передернув плечами.

– Мне нужно с вами поговорить, прямо сейчас. Вы можете оказать действенную помощь в разоблачении убийцы.

– Ой, не смешите, – нервно рассмеялась Белкина, – какое разоблачение?! Кто этим будет заниматься всерьез? Так, для галочки. А вы, – смерила она меня уничтожающим взглядом, – дешевых сенсаций для своей газетенки ищете. Или я не права?

Она перевела свой холодный насмешливый взгляд на Александра, как бы ища у него поддержки, но он невозмутимо глядел куда-то в сторону.

– Саша, – издала она капризный возглас, – закрывай дверь!

– Людмила Николаевна, – стараясь выглядеть максимально спокойной, сказала я, – понимаю, что вы чувствуете... Но, увы, время не терпит!

– Понимаете?! – прорычала Белкина, – да что вы можете понимать?! Папарацци!

Она вложила в последнее слово столько уничтожающего презрения и ненависти, что я едва удержалась, чтобы не плюнуть на всю эту затею с интервью.

– Вы не правы, – тихо, но четко выговорила я.

– А мне плевать – права, не права! – судорожно рассмеялась Белкина, – все, разговор окончен. Мы теряем время.

Она с гордой решимостью оскорбленного ангела оттолкнула Александра, хотя это было явно излишним жестом, и

вернулась в квартиру.

Александр скосил на меня свои лукавые глаза.

– Я же говорил, что не время.

– В любом случае спасибо. И все-таки...

Александр отрицательно покачал головой.

– Бойтесь? – наивно предположила я, имея тайное желание задеть его за живое.

– Да нет, просто знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Это не что иное, как отговорка, – испытующе посмотрела я на него.

– А вы с характером, – удовлетворенно хмыкнул он, – допустим, я вас пропущу. Что я буду за это иметь?

– Коммерческий подход, – полупрезрительно улыбнулась я.

– Ну так я же коммерсант.

– Бизнесмен, – продолжала я пикироваться теперь уже с Александром.

– Вам претит иметь дело с бизнесменами? – насмешливо поинтересовался он. – Думаете, папарацци лучше?

– И те и другие делают свое дело, – краснея за собственное косноязычие, сказала я.

– Это верно.

– Вы работаете в «Металлоконструкции?» – спросила я. Александр вяло кивнул.

– А кем, если не секрет?

– Секрет, – улыбнулся он одними глазами.

– Саша, ну в конце-то концов! – снова раздался у него за спиной раздраженный голос Белкиной. – Сколько можно?

– Иду, Людмила Николаевна.

– А что вы хотели бы иметь? – не понимая, что происходит: то ли иду на попятную, то ли в наступление, спросила я.

– Романтический вечер вдвоем, – с холодным блеском в глазах сказал Александр.

– Со мной? – глупо переспросила я.

– С вами.

Интересно, как выглядит со стороны наш обмен лаконичными репликами.

Я пребывала в самом настоящем замешательстве.

– Ну так что? – любопытствовал Александр.

– Это ваш метод? – вызывающе усмехнулась я.

– Итак?

Стою здесь и торгуюсь! Что же, соглашаться? Позволить этому молодчику распорядиться мной?

– Когда? – глухо произнесла я, сдерживая волнение.

– Сегодня или завтра, когда вам будет удобнее.

А мы обходительны!

– Я оставляю вам номер своего телефона.

Вместо ответа Александр посторонился, впуская меня в квартиру. Едва я оказалась в гостиной, как поняла, что окружена драгоценным ампиром и недружелюбным вниманием Белкиной и невысокого грузного господина в сером костю-

ме. «Где-то я его видела», – пронеслось у меня в мозгу.

– Людмила Николаевна, – начал разруливать ситуацию Александр, – будет лучше, если вы поговорите с девушкой.

Он обратил на Белкину красноречивый взгляд.

– Это еще почему? – возмущенно, чтобы скрыть свою растерянность, произнесла она.

– Положение обязывает. Подумайте, что будут болтать в городе, если ее газета, – он кивнул в мою сторону, – напечатает, что Белкина Людмила Николаевна уклонилась от разговора с представительницей тарасовской прессы. Зачем вам такая слава? Понятное дело, вы переживаете и вам не до интервью, но, что ни говори, пресса – это четвертая власть, хотим мы того или нет.

Александр проникновенно смотрел на Белкину. Та же словно вся сжалась внутри, одеревенела. Только красивые темные глаза, казалось, жили на ее застывшем побледневшем лице своей беспокойной жизнью. На секунду в них мелькнуло затравленное выражение, и впервые за время моего визита во мне шевельнулось что-то похожее на сочувствие.

– Людмила, – произнес солидный господин в сером костюме, – вы можете поговорить в кабинете, а мы с Александром пока обсудим наши дела.

– Вы мне не верите?! – истерично воскликнула Белкина. – Это сговор! Шантаж!

– Людмила, – ласково приобнял ее за плечи мужчина в

сером костюме, – возьми себя в руки. Никто не заставляет тебя болтать без умолку, откровенничать о том, что ты считаешь своим долгом доверить только членам семьи, просто поговори с девушкой. Несколько минут.

– Мне больше и не надо, – поддержала я благородный порыв господина в сером.

– Хорошо, – сдавленно произнесла Белкина и, гордо вскинув голову, пошла по коридору.

– Иди за ней, – обратился ко мне на «ты» Александр, легонько подтолкнув меня в бок.

Я поторопилась выполнить совет. Когда я вошла в просторный кабинет, уставленный книгами, овальным столом из ореха в центре и кожаными диванами и креслами у стен, Белкина сидела за столом и нервно ломала пальцы.

– Радуетесь? – враждебно взглянула она на меня. – Что вы хотите узнать?

– Людмила Николаевна, успокойтесь, я полностью на вашей стороне, – неуклюже заверила я ее.

– А вот в этом я не нуждаюсь. Саше, конечно, виднее.

– Он работает в фирме вашего...

– Да, – резко перебила она меня.

– Сесть можно? – любопытствовала я у негостеприимной хозяйки.

Та судорожно кивнула и ехидно усмехнулась: вот, мол, я пленница, что хотят эти папарацци, то и делают, загнали бедную вдову в угол, а теперь еще и разрешения просят. Сплош-

ное лицемерие!

Я присела на краешек кресла и как можно более мягким голосом заговорила с Людмилой Николаевной:

– А кем, если не секрет, работает Марусев?

– Что же он вам до конца не доложил? – злорадно спросила она.

– Не успел, – невозмутимо парировала я. – У вас тут курить можно?

– Валяйте, вам теперь все можно! – скрестила руки на груди Белкина.

– Пепельница не подскажите где?

Пока не спросишь – не догадается.

Белкина взяла с подоконника большую латунную пепельницу и поставила передо мной. Едва пепельница коснулась поверхности стола, она тут же отдернула руку, точно боялась испачкаться.

– Так кем работает Марусев?

– Что это вы им так заинтересовались?

– Собираю информацию, – затянулась я сигаретой.

– Мне, я так поняла, лучше отвечать, иначе вы меня в покое не оставите? – с наигранным, как мне показалось, отчаянием осведомилась Белкина.

– А я вас не такой себе представляла, – прищурилась я, не сводя внимательного взгляда с Людмилы Николаевны.

– Думали, наверное, что я рыдать буду, в истерике биться?

– У вас это все еще впереди, – выпустила я новую струю

дыма.

Я позволила себе произнести несколько реплик менторским тоном. Надо немного сбить спесь с этой богатой вдовушки.

– Ой, какие мы опытные! – поставив руки в боки, закачала головой Белкина, – сколько у нас гонора! Камеру в руки дали, так уже Медковыми себя с Прошутинскими чувствуем!

– Для того чтобы предположить, как чувствует себя женщина, потерявшая мужа, не надо журналистского опыта.

– А вы еще и бестактны! – вскипела Белкина.

– Потому что напомнила вам о гибели Аркадия Сергеевича?

Белкина холодно посмотрела на меня и презрительно отвернулась к окну, занавешенному темно-зелеными бархатными шторами. Некоторое время мы сидели молча, потом она повернула ко мне лицо.

– Не будем терять времени, – холодно произнесла она, – желаете взять интервью – берите.

– Я бы хотела пояснить цель своего визита, – дружелюбно сказала я, – чтобы у вас сложилось правильное впечатление...

– Ничего, – махнула она рукой, – сложится в процессе, так сказать.

– И все же... – я пыталась поймать ее ускользающий взгляд. – Это будет не совсем интервью, как вы изволили выразиться. И даже если мы назовем нашу беседу именно этим

словом, хочу заверить, что не собираюсь печатать ее в газете.

– Зачем же тогда вы пришли? – в глазах Белкиной появилась живой интерес.

– Дело в том, что я по случайному стечению обстоятельств, в подробности которых мне не хотелось бы вдаваться, была в квартире Инны Демьяновой в то самое время, когда убили вашего мужа и ранили хозяйку.

– А-а, – с ехидной улыбочкой протянула моя собеседница, – значит...

– Ничего это не значит, – оборвала я Белкину, чтобы не выслушивать ее оскорбительно-едких догадок. – Просто Инна – моя соседка, и я спустилась к ней за лекарством.

– И вас оставили в живых? – недоверчиво посмотрела на меня Людмила Николаевна.

– В тот момент я, к счастью, оказалась в другом помещении, и убийца не подозревал о моем присутствии, – немного смутилась я, – иначе жертв стало бы больше. Милиция, которая прибыла на место преступления, высказала предположение, что я могу быть причастной к убийству. Это меня не радует, как вы понимаете, и поэтому я вынуждена предпринять собственное расследование. Теперь вам ясно, почему я так настойчиво хотела с вами встретиться?

– Очень интересно все, что вы рассказываете, – вздохнула Людмила Николаевна, – но нельзя ли побыстрее: у меня много дел.

– Можно, – кивнула я. – Какие отношения были у вас с

Аркадием Сергеевичем?

– Нормальные, – демонстрируя недоумение, она приподняла плечи, – как у всех.

– У всех они разные, – резонно возразила я. – Вы его любили?

– Я не девочка, чтобы верить в такие глупости, – презрительно произнесла Белкина.

– Тогда я спрошу по-другому: вы доверяли друг другу?

– Вы что, смеетесь надо мной? – побагровела она. – Вы не догадываетесь, зачем он приходил к вашей подружке?

Ее колкость я пропустила мимо ушей. Я даже не стала объяснять, что Инка, в сущности, не была моей подругой, и продолжала задавать вопросы.

– Вы не хотели развестись с мужем?

– Вот уже почти два года мы собирались это сделать, – с брезгливой ухмылкой произнесла Белкина, – но дела, дела...

– У вас есть брачный контракт?

– Ну мы же современные люди, – усмехнулась она, – конечно.

– Что бы вы получили, если бы развод состоялся?

– Ай-яй-яй, голубушка, – хитро погрозила она мне изящным пальчиком, – это ваши журналистско-ментовские приемчики, да? – Благодушное выражение слетело с ее лица, и она зло посмотрела на меня. – Спросили бы прямо: выгодна ли мне смерть мужа?

«Спокойно, Оля», – сказала я про себя, а вслух произнес-

ла:

– Я и спрашиваю.

– Если бы мы развелись, я бы почти ничего не получила, – Белкина меланхолично глядела в окно, – так, мелочишку.

– Вы знакомы с Инной Демьяновой?

– Это ваша подружка?

– Соседка, – уточнила я.

– Не имела чести, так сказать. Еще вопросы есть?

– Видели ее когда-нибудь?

– Голубушка, – снисходительно улыбнулась Людмила Николаевна, – если бы я следила за всеми... – Она запнулась, подбирая слово, но, видно, не нашла и продолжила: —...за всеми Аркашиными блядами, я бы не успевала следить за собой.

– У вашего мужа были враги? – я торопилась задавать вопросы, потому как мне уже намекнули о лимите времени.

– Наверное, раз его пристрелили, – равнодушно сказала Белкина.

– Вы хотите сказать, что не знаете таких?

– Нет, не знаю.

– А как у него шли дела на работе?

– Тоже не знаю, но, кажется, неплохо. По-моему, он недавно даже купил что-то, то ли банк, то ли завод...

– Не могли бы узнать поточнее?

– Спросите об этом Сашу, – устало произнесла она, – то есть Александра Георгиевича, он в курсе. А я совершенно не

разбираюсь в бизнесе, – пренебрежительно добавила она.

– Хорошо. Спасибо, вы очень помогли, – дипломатично соврала я.

– Помогла? – насмешливо взглянула на меня Людмила Николаевна.

Я мило улыбнулась и кивнула.

– Ну тогда... – замялась она.

– Я пошла. – Я поднялась с кресла и вышла из кабинета.

Глава 3

По дороге я заглянула в гостиную. Александр и мужчина в сером костюме пили кофе. Увидев меня, Александр быстро встал с дивана и поспешил навстречу.

– Мы хотели и вам предложить кофе, – улыбнулся он, – но боялись помешать. Людмила Николаевна в кабинете? – шепотом поинтересовался Александр.

– Да. Вообще-то я передумала, – адресовала я Марусеву твердый, как гранит, взгляд.

– Что? – не понял он.

– Встретимся сегодня днем, – с оттенком стервозности улыбнулась я.

– Действительно, – согласился Марусев, – зачем терять время? Я буду ждать тебя через час в клубе «Мехико».

– А клубы и днем работают? – удивилась я.

– Угу. – Он направился в кабинет к вдове.

Пошел успокаивать, наверное, – иронично подумала я.

– Я хотел бы вам сказать несколько слов, – оживился мужчина в сером костюме. – Разрешите представиться, Белкин Станислав Сергеевич.

– Вы – брат Аркадия Сергеевича? – проявила я чудеса догадливости.

Мужчина кивнул.

Вот оно, значит, как... А я-то думаю-гадаю, где я видела

этого человека. Что-то в его облике показалось мне до боли знакомым. Неуловимое сходство, так сказать. Более полный и рослый, чем Аркадий Сергеевич, одышливый, черты лица не то чтобы менее правильные, а укрупненные, прямо-таки гротескные. Но в движениях двух братьев, их интонации, манере держаться присутствовало что-то общее. Интуиция меня не обманула.

– Прошу, – властным, но полным спокойного изящества жестом Станислав Сергеевич указал на старинный диван, выполненный в стиле ампир.

Мне нравились подобные диваны, их прихотливо-закругленные формы, витиеватые ножки, все эти гладкие загогулины на спинках... И мне было странно, что с этой по-фрагонаровски трогательной красотой человек научился обращаться, так сказать, по-сократовски, смешивая эстетику с соображениями банальной житейской пользы. Поблагодарив Белкина, я приземлилась на голубой в желтых завитушках диванный гобелен, не зная, подделка ли он или самый настоящий раритет. Станислав Сергеевич закурил, предварительно угостив меня сигаретой, и не спеша начал разговор:

– Вообще-то всем этим дамским штучкам я предпочитаю сигары, но сегодня оставил дома... забыл, – многозначительно кашлянул Белкин, – такой день.

Он нахмурился. Опущенные углы его тонкого длинного рта еще больше вытянулись книзу.

– Да-а, – сочувственно протянула я, стряхнув пепел в

бронзовую пепельницу, сделанную в форме дельфина.

– Вы на самом деле, как сказал Александр, занимаетесь расследованием? Видите ли, я немножко знаком с вашей газетой, – он благожелательно посмотрел на меня, – читал ваши публикации. Мне ваш листок нравится.

– Спасибо. Мы стараемся как можно более трезво и объективно освещать события...

– Я заметил. Так вот, – снова кашлянул Белкин, – брат занимал ответственный пост. Неудивительно, что он мог кому-то не угодить, вы понимаете? – поднял он на меня предостерегающий взгляд.

Я кивнула. Белкин недоверчиво покосился на меня.

– Я хоть и уважаю «Свидетель» за непредвзятость, гражданскую позицию и смелость, но хочу предупредить, что, как мне кажется, дело это серьезное, и лучше вам все заранее взвесить.

– Что взвесить? – глупо переспросила я.

Станислав Сергеевич снисходительно улыбнулся.

– Стоит ли вам совать нос в это дело, – резко проговорил он.

– Мной руководит далеко не праздный интерес... – намекнула я на то, что невольно присутствовала на месте преступления.

– Саша мне сказал... – выпустил струю дыма вверх Белкин, – и все-таки мой долг – вас предупредить.

– Спасибо, конечно, – заулыбалась я, – но то обстоятель-

ство, что я здесь, уже свидетельствует о взвешенности всех «за» и «против» в пользу «за», – убедительно сказала я.

– Похвально, – осклабился Белкин, – вижу, вы не из пугливых. Я все это время работал с братом. Поверьте, бизнес у него чистый. Он был порядочным человеком.

– Но все-таки кому-то ваш брат перешел дорогу, – возразила я.

– Ему предлагали продать завод за хорошие деньги, но он отказался, – размеренно произнес Белкин.

– Кто предлагал? – заинтересовалась я.

– Некоторые не совсем порядочные люди, назовем их так, – затянулся сигаретой Белкин.

– Мафия? – уточнила я.

– Это слово давно вышло из моды, – брезгливо поморщился Станислав.

– Я не слежу за модой на слова, – парировала я, – главное, чтобы слово верно обозначало суть предмета.

– Да, у вас есть зубы, – одобрительно усмехнулся Белкин, – вы мне нравитесь.

– Поэтому вы и решили поговорить со мной? – проницательно взглянула я на моего собеседника.

– Не только, – уклончиво ответил он, – так на чем мы остановились? Что-то я сегодня рассеянный...

«Неудивительно», – сострадательно подумала я. – На нехороших людях. Откуда у вас эта информация?

Белкин посмотрел на меня так, как смотрят родители на

свое любознательное дитя, которое доросло до того, чтобы подвергать сомнению их собственную компетентность и суждения, – со снисходительной усмешкой.

– Я же вам сказал, что с давних пор работал с братом, причем занимал и по сей день занимаю в фирме солидный пост... – в голосе и лице Белкина я не обнаружила ни капельки самодовольства или рисовки. Он произнес эту реплику с достоинством знающего себе цену человека, привыкшего к своему положению чуть ли не с рождения.

«Да, – подумала я, – аристократизм – качество врожденное». Я не стала вдаваться в подробности: сколько лет понадобилось Станиславу Сергеевичу, чтобы освоиться со своим «солидным постом» и капиталами.

– В этом я не сомневаюсь, – без тени иронии сказала я.

– Нам поступило предложение продать предприятие, вернее, контрольный пакет акций. Аркадий, конечно, отказался.

– Вы сказали – нам. Поступило... Это что, у бизнесменов такой жаргон, или вы выражаетесь безлично в целях предосторожности? Если вы, занимая в компании важную должность, имели информацию об этом предложении, то наверняка знали, от кого оно поступило. Или я не права?

Может, я действовала излишне решительно и даже резко, но лишь потому, что считала неуместным в подобном случае изъясняться экивоками и уклончиво-размытыми фразами. Станислав Сергеевич отреагировал на мой самоуверенный тон взглядом, в котором было неодобрение и восхище-

ние одновременно. Он понимал, что со мной есть смысл говорить начистоту или не говорить вовсе.

– Контрольный пакет, как я поняла, принадлежал вашему брату, у вас...

– У меня шестнадцать процентов акций, – подхватил Белкин, – это, поверьте, не много, но и не мало, – с лукавой улыбкой добавил он, но тут же нахмурился.

– Кому переходит контрольный пакет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.